

Илья РУДЯК

СТАЛИН НА ПАРАДЕ

Когда мне было 10 лет, я написал стихотворение к семидесятилетию товарища Сталина — "отцу всех детей", начинающееся:

21 декабря

День рождения вождя...

и отослал его в газету "Правда". Ответа не получил до сих пор. Правда, вскоре умер Сталин, газета "Правда" тоже приказала долго жить, а я подготовил книгу иронических рассказов "Сталин в Жмеринке".

СТАЛИН
В ЖМЕРИНКЕ

Рассказы и фотографии
из семейных альбомов

На октябрьских и первомайских демонстрациях портрет Сталина перед колонной нашей артели всегда носил Жора Синаткин — верзила и алкоголик.

Выпускали мы зеркала: от маленьких, для пудрениц, до больших, для стальных шкафов. Но гордостью, шедевром артельной продукции было зеркало размером с калитку с изображением Иосифа Виссарионовича Сталина в форме Генералиссимуса. Если в праздничные дни светило солнце, то лучи от кителя стреляли, как прожектора. А весу зеркало в раме имело — с пуд. На вытянутых руках, кроме Жоры, никто его носить не мог. Директор наш, Давид Ильич, после парада самолично вручал Жоре поллитровку за самоотверженный труд. Тот выливал ее до последней капли в горло и под аплодисменты закусывал припасенным кислым огурцом. На этот раз в семь утра Жора не появился. В восемь его тоже не было.

Давид Ильич и секретарь парторганизации заволновались. Послали за ним на Пересыпь нарочного. Он примчался запыхавшийся и сообщил, что Синаткина напоили еще вчера дружки, утром был крепкий опохмел, и они спят как убитые.

— Это саботаж! — закричал Давид Ильич, размахивая руками.

И тут же — секретарше:

— Сара Яковлевна, в понедельник подготовить приказ об увольнении грузчика Георгия Петровича Синаткина за срыв политически важного мероприятия с занесением строгого выговора в личное дело.

И стал зорко всматриваться в мужскую часть коллектива. Я опустил голову вниз, чувствуя, что выбор пал на меня.

— Это большая честь, Фима, и

мы знаем: как спортсмен ты не поведешь!

Я имел разряд по шахматам, большую курчавую голову и девятнадцать лет от роду — отказаться было просто неприлично.

В девять ноль-ноль наша колонна двинулась вперед, чтобы слиться с другими, а затем медленно потеч к центральной площади на Куликово поле.

Начал я бодрячком, держал портрет над головой, а чем дальше, тем ниже опускал его на грудь. Выразительные взгляды директора мало чем помогли.

Второе дыхание появилось при приближении к трибуне с областными руководителями. Когда над площадью пронесся призыв: "Слава нашим труженикам-зеркальщикам, ура-а-а!" — я поднял как мож-

но выше артельную реликвию, она залепила все ярким светом вокруг. Народ был в восторге, а я... могу теперь признаться: это стоило мне мокрых штанов.

Но на этом мое испытание не кончилось. Когда мы вернулись во двор артели, директор прилюдно пожал мне руку и вручил поллитровку. Меня обступили вокруг и начали скандировать: "Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна!". У меня был разряд по шахматам, крупная голова в завитушках, я был молод, в конце концов, и было неприлично отказывать, когда все просят. Я выпил из горла пятьсот грамм водки, заел традиционным кислым огурцом и... свалился спать прямо на цветочную клумбу, до утреннего опохмела.

Вот так, благодаря Иосифу Виссарионовичу, я и научился пить.

ИЛИ

**О ТОМ, КАК РЕШИТЬ
ПРОБЛЕМУ ОТОПЛЕНИЯ
БЕЗ УЧЕТА
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА**

Елена КОРНИЕНКО

ХРИЗАНТЕМЫ

В конце морозного ноября их принесли прижимающимися друг к дружке яркими желтыми шапочками-головками. Кружевной хрустящий ледяной целлофан оборочками обернулся в праздничный наряд с кокетливым бантиком на спутанных нитях тонких ножек. Живой ершистый комочек предназначался в подарок ко дню рождения. Сорочка-капюлетная вишневая торжества — такая же тонкая, замерзшая, с пушистой шапкой волос и бантом (но сзади, на шелковом английском костюме с черными розами на черно-сером французской клеточкой фоне), приняла их. Два ряда крупных жемчужных низок отразили трепещущий солнечный пучок, приблизившийся к сердцу женщины. В зрачках ее заглялись, заиграли искорки восхищения и удивления.

Весь вечер букет простоял в центре стола, упиваясь шумом, звоном бокалов, пенными пожеланиями, спорами, смехом...

Проводив гостей, он перебрался в иную комнату, не желая оставаться в общей большой, в компании множества других белоснежных своих собратьев. Наедине женщина сняла с букета сверкающую упаковку с бантиком, распутала нити и дала напиток в избытке из резного хрустального сосуда в тишине. И тогда комочек солнечной энергии рассыпался на восемь маленьких солнц, пульсируя и светясь. Два из них так и не пожелали разделиться, переплетаясь в причудливом изгибе стеблей, создавая иллюзию единого целого. (Возможно, сознание должного нечетного числа довлекло и заставляло создать данную композицию.)

Излучаемая желтизна была настолько теплой, что казалась, осязаема холодной ладонью. Женщина приблизила лицо к цветкам хризантем — щекой почувствовала жаркую волну. Вновь поднесла застывшие ладони — эффект тот же. Разница температур была ощутима. Внутренний свет излучал тепло.

В комнате столбик термометра от удивления поднялся на два деления. Это было уже против всех элементарных и неэлементарных законов физики! Что происходит?

Восемь дней живой аккумулятор согревал и радовал. На девятый — тончайшие иголки-лепестки один за другим стали мрачнеть, постепенно увядая...

А за окном уже таял снег. Капало с крыш, опять становилось сытно.

Андрей КРАСНОЖОН

Пепельница

Я, между прочим, тоже работник культуры... Я в цирке работаю. У меня там свой номер есть, можно сказать смертельный! Я на арене лампочки кушаю, стекло там всякое, лезвия, крючки рыболовные. Стекло переваривается, а все железо потом наружу выходит. Так что один и тот же крючок можно много раз использовать... Кто не верит, может принести лампочку — я ее съем. А лучше бутылку, шоб вопросов больше не возникало... Несите! Ведь я такая: если скажу "раз", — значит, скажу и "два".

Поэтому-то меня в цирк и приняли... Эх, давно это было! Месяц назад... Как сейчас помню: сидели мы с друзьями в баре на Торговой, у Нового рынка. О способностях своих я тогда и не подозревала. Ну, короче, выпиваем, разговариваем. Четвертая бутылка пошла... Тут Витка карты достал. Стали играть на желания. В общем, мне в карты никогда не везло. "Загадывайте, — говорю, — гады, свое желание". Витка и говорит: "Жри пепельницу!". А я ему: "Ты шо, шутишь, родной?"

А он тогда как закричит на все помещение: "Не может Наташка! Облжалась!". Тут мое самолюбие и возобладало: "Это я, — говорю, — облажалась?! Да сам ты козел! Давай сюда пепельницу!". Короче, схавала я ее. Откусила кусок, потом другой. Не единой крошки не осталось. Тут-то дружки мои мигом и протрезвели. А официант как увидел это все — сразу хай поднял: "Куда, — кричит, — инвентарь подевали? Оплачивайте немедленно стоимость, а то не выпущу!". А мы, значит, сидим. Не двигаемся.

И вдруг из-за соседнего столика дядечка поднимается, весь из себя такой приличный. Подходит к нашему сообществу и официанту не глядя сто рублей протягивает: "Я, — говорит, — возмещаю убытки". А потом ко мне обращается: "Побойтесь, — как говорится, — Бога. Не зарывайте в землю талант. Мне нужны, мол, такие дарования, как вы. Идите ко мне работать. Я, — говорит, — директор цирка". Вот так я и попала в сферу, так сказать, культуры...

Двое на песке

— Боже, в какой гадюшник превратился этот пляж! Только взгляни на эти телеса! Нет, ты только подумай. Да им по домам надо сидеть, жиры свои прятать. Фу! Хоть глаза не открывай.

— Лучше посмотри на девушку в зеленом купальнике. По-моему, очень даже мила.

— Разве что фигура. Но все, что выше шеи, даже мордой трудно назвать. Для таких, как она, паранджу и придумали. А тот мужик вообще еле передвигается. Что он здесь забыл? Он же весь вспотел. Бедняга, наверное, скоро умрет от ожирения. А женщина?! Вон, на белой подстилке. Как можно себя так не уважать? Это же позор на всю Одессу! Развяжи, пожалуйста, лифчик, не люблю загорать с верхом... Господи! Ну что ты возишься?!

— У тебя там гордиев узел...

— Неужели это так сложно! Я сама, наверное, давно бы справилась!.. Ты меня сбил с мысли.

— Ты говорила про женщину на белой подстилке.

— Да, так ты мне скажи на милость, где ее таз, где она потеряла бюст? Как она будет детей рожать?.. Бедный ее муж... А вон та, смотри, одела бикини! С такими ягодицами надо водолазный костюм носить. Все висит, все трясется. Неужели трудно пощипать спортзал? Хоть раз в неделю... Что ты уставился на мою грудь? От вы мужики! Без лифчика вообще загорать невозможно, глазами съедят...

— Не смотрел я на твою грудь.

— Рассказывай! Я видела твои глаза через очки. Ты рассматривал мою грудь!

— Не рассматривал.

— Нет, рассматривал!

— Я всего лишь наблюдал, как парень прыгает с пирса. Сальто назад. Красавец!

— Какой парень, где парень? Это же девушка...

— Спортсмен, наверное. Плечи, талия, рост, упругие ноги...

— Не смейся меня! Никакой симметрии. Бицепсы маловаты. Одна нога короче другой. Талию можно было бы и сильнее подтянуть. А его плавки? Разве это плавки? Они же со штанинами. В таких плавках ходил еще мой дед на Австрийский пляж.

— Сейчас такая мода.

— Это не мода, это молодежь сошла с ума... Ладно, хватит философствовать. Лучше переверни меня на спину... Вот так. Хорошо. И песок с подстилки смети... Под лопаткой, здесь, да-да... Одень очки — солнце светит прямо в глаза... Живот, живот, щекотно!.. Муха села. Сгони... Еще почешу... Ниже... У пупка... Ой, хорошо! Ой, жизнь райская!.. А теперь сними протезы... Аи! Не так резко! Нежнее, ласковее... Молодец... Неси в воду, да не урони. И следи, чтоб не сперли вещи! Мыслитель, чтоб тебе!..

Мысли вслух

● Сумасшествие одного человека определяется уровнем благоразумия другого.

● Если не хочешь произвести на людей впечатление непостоянного человека — прекрати рассказывать о своих планах.

● Скорей развяжите мне руки — я их на себя наложу!

● Наличие стальных нервов у молодого человека, подтверждалось тяжестью, с которой он принимал решения.

● Нервы — не сталь. Они не закаляются. Они изнашиваются.

● Мучительно размышляя над основной философской проблемой, мыслитель потерял сознание. Но материя осталась при нем.

● Бог нуждается в приношениях. Без этого даже искреннее поклонение будет объявлено фальшью.

● Свобода — это отсутствие необходимости.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса» (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____ газета отпечатана в типографии «СІС».

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.